

ISSN 2500-3216

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки
№ 4

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2021

Удивительно, как быстро и точно криминальные элементы почувствовали, что у них появился шанс в ходе начавшейся Перестройки. А.И. Гуров, известный российский специалист-криминолог, практик (именно он возглавил впервые созданное еще в СССР Управление по борьбе с организованной преступностью в МВД), приводит содержание письма, перехваченного уже летом 1985 г. из зоны от одного из «воров в законе». Смысл послания сводится к тому, что матерый преступник требовал от своих «подчиненных», оставшихся на воле, быстрее «вытаскивать» его из зоны, поскольку «пришло наше время» — время преступников, включенных в мощные группировки. Именно в это время в воровской среде по созвучию была перефразирована старая русская поговорка «куй железо, пока горячо». В новом варианте она стала звучать так: «Куй железо, пока Горбачев» [2, с. 189].

Эта переделанная поговорка стала своеобразным девизом, призывом к криминалитету: пользуйся моментом, вдруг вновь начнутся более или менее успешные и профессиональные действия правоохранительной системы, а пока все эти политологи и экономисты пусть спорят, какой именно строй сформировался в Советском Союзе, народ пусть мечется в поиске все быстрее исчезающих продуктов; можно быстро продвигаться по пути обогащения, захвата лакомых кусков собственности.

С началом Перестройки быстро и совершенно непродуманно менялось законодательство.

Впервые криминалитет получил возможность массовой, но в то же время частичной легализации, привлечения в свои ряды значительной доли индивидов из иного социального мира после ввода в действие в СССР закона «О кооперации» (1987).

Кооперативы не только вводили в оборот незаконно полученные деньги, но и получали значительные возможности обналичивания финансовых средств, строили взаимоотношения на основе неучтенной наличности ресурсов. В 1989 г., к примеру, превышение снятых с банковских счетов денег над внесенными на них составило 19 млрд, а за первое полугодие 1990 г. — 12 млрд руб. [10]. Примечательно и другое: в кооперативах можно было использовать наемный труд, что для тогдашнего советского человека казалось не только странным, но и едва ли приемлемым. Параллельно созданию массы посреднических и торговых кооперативов шло дальнейшее разрушение потребительского рынка, начался обвальный дефицит все большего числа товаров, что еще сильнее генерировало криминальную активность в сфере обмена и распределения, оказания разного рода услуг [1, с. 172]. Неслучайным представляется и то, что в кооперативах до 60 % их руководителей, как отмечает криминолог И. И. Карпец, были ранее судимыми [10].

В 1988 г. в Советском Союзе ввели первые талоны на продовольственные товары (на сахар) — карточки, которые регламентировали продажу продовольственных товаров. К концу Перестройки без талонов можно было купить разве что хлеб. Кроме продуктов питания были талоны на водку, стиральный порошок и т.д. Работники типографий, где печатались талоны, наживались на том, что изготавливали лишние партии этих важных с точки зрения потребителей документов и продавали их через друзей и знакомых [11].

Существенные правовые пробелы имели и законы «Об индивидуальной трудовой деятельности», «О государственном предприятии». По второму, например, на государственных (а других тогда в СССР просто не было) заводах можно было создавать так называемые малые предприятия и кооперативы. По этому закону налоги и прочие отчисления в бюджет государства платило основное предприятие, а все остальное (производственные фонды, помещения, оборудование и т.п.) могли использовать кооперативы, извлекая выгоду лишь для себя, имея при этом наличные деньги [11]. Излишним, видимо, будет говорить, как охотно и быстро воспользовались этим обстоятельством дельцы теневой экономики, все преступники, связанные с ее организованными формами. Такова была импровизационная политика власти в указанный период.

Крайне непродуманной была и так называемая антиалкогольная кампания Горбачева. Шестнадцатого мая 1985 г. вышел указ Президиума Верховного совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством», что и стало началом антиалкогольной кампании в стране. Ее целью была борьба с пьянством, укрепление общественного порядка и трудовой дисциплины. Но вместо того, чтобы вести комплексную и последовательную работу, сочетать стимулирующие и тормозящие меры, организаторы кампании свели ее в основном к запретам, штрафам, крайним ограничениям. В свою очередь, запреты и ограничения выступили

своеобразным стимулом хорошо известных негативных тенденций: нарушались правила торговли, процветали самогоноварение, спекуляция и незаконная продажа спиртных напитков, возрастало потребление суррогатов.

Бюрократия по команде сверху ослабила внутреннюю дисциплину, открыв путь произвольному распоряжению правами общественной собственности, хищениям, финансовым махинациям. Эти тенденции, как считают многие аналитики, представляли собой не столько недостатки принципа планирования, сколько явные просчеты в порядке его применения [13].

Порядок принятия решений окончательно оказался в ведении не законодательной, а административной воли. Поэтому их легальность часто была спорной. Можно даже заключить, что правовое обеспечение системы принятия плановых решений отставало от требований развития производства и даже не столько допускало деятельность теневого рынка и теневых отношений, сколько всемерно способствовало им [13].

Финансы, не покрывая плановую продукцию, стали из государственных предприятий активно уходить в кооперацию, которая превратилась по преимуществу в торговое посредничество, так был легализован теневой рынок. А закон о совместных предприятиях обеспечил легальный выход «теневого капитала» на международный рынок. Таким образом, нелегальный интерес бюрократии нашел реализацию в организации теневой экономики, а в дальнейшем, в 1991–1993 гг., она стала инициатором политического курса на защиту права частной собственности и на трансформацию государственной системы, что подвело черту под существованием социалистического способа хозяйствования в России [13].

Примечательные процессы разворачивались в этот период в криминальной среде. Во-первых, было закреплено изменение «воровского закона». Появилась возможность покупки «звания» «вора в законе», что

прежде было немыслимо. Более того, отныне отнюдь не возбранялось, а даже поощрялось поддержание лидером преступного мира связей с управленческими и правоохранительными структурами, в том числе на уровне их руководства. Часть рецидивистов-авторитетов, несогласных с такой коренной ломкой традиций, либо подкупалась (получая своеобразную «пенсию» от преступных сообществ), либо физически устранялась. По данным научно-исследовательского института МВД СССР, в конце 1987 г., например, отмечались факты, когда старым «ворам в законе» выплачивались немалые суммы только за то, чтобы они не участвовали в воровских сходках, на которых вырабатывалась новая стратегия криминалитета. Кроме того, за год самими преступными сообществами было ликвидировано около 30 прежних «авторитетов» и «воров в законе» [2, с. 172]. Таким образом, сами процессы, шедшие в ту пору в преступной среде, убедительно свидетельствуют о начале слияния общеуголовной преступности и аморальной части быстро обновляющегося аппарата управления.

105

Во-вторых, тормозившийся прежде численный рост наиболее влиятельных членов преступных сообществ сменился быстрым кооптированием в эти ряды задержавшихся на второстепенных ролях криминальных элементов. Наряду с примерно 700 «воров в законе» быстро стали набирать вес около 20 тысяч «авторитетов» (а это следующая, хотя и более низкая, ступень в криминальной иерархии), а также десятки тысяч «бойцов» из их ближайшего окружения («пристяжь») [2, с. 172]. Увеличивалось и число так называемых смотрящих, то есть криминальных элементов, назначаемых сходками или сообществами для контроля над определенной территорией, на которой в силу разных обстоятельств отсутствовал «вор в законе» или «авторитет».

Получается, что именно преступники стали наиболее активно действовать, увеличивая свои финансовые возможности, а значит и способность оказывать влияние в обществе, быстро теряющем нравственные и правовые ориентиры — и без того достаточно шаткие, что было показано выше.

В-третьих, в криминальной среде начала фиксироваться дифференциация по этническому признаку. Само по себе, по нашему представлению, это также является весьма симптоматично: криминалитет уже в середине 1980-х гг. сделал ставку на раздельное существование этносов, на государственный сепаратизм, на поддержку тех региональных политиков, которые открыто или менее явно показывали стремление дистанцироваться от федеральных властных структур — и союзных, и (в случае России) республиканских. Именно в эту пору появились преступные группировки, объединенные по сугубо этническому признаку (грузинские — «пиковая масть», туркменские и т. п.) [2, с. 173–174]. Организованная преступность быстро осознала важность общения с руководителями «своих» республик, чтобы местные элиты как можно реже оглядывались на действия союзной власти, и без того быстро теряющей влияние как на народ, так и на так называемую номенклатуру — на представителей партийной, государственной и хозяйственной верхушки.